



## ФЕНОМЕН «КОВЧЕГА» И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

**Светлана Белова,**

профессор Волгоградского государственного педагогического университета,  
доктор педагогических наук

«**А** другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...». «За наше счастливое детство спасибо, родная страна...». Из памяти извлекаются кадры октябрятско-пионерско-комсомольского «счастливого детства». В те годы мы искренне верили, что все «должны» быть радостны и счастливы. Ведь мы же советские люди! А «советский человек» всегда здоров, силен, смел, прав. Это же эталон человечества. И у нас не могло быть ничего, что снижало бы наш оптимизм. Ничего убогого и большого. «Мы наш, мы новый мир построим...» — ...без болезней, недостатков и проблем.

... Два последних года учёбы я ходила в школу, которая расположена за семь километров от моей деревни. Мы с одноклассниками проделывали каждый день (лишь в особо холодное зимнее время оставались в интернате) путь, лежащий через поля, лесок и, если идти одной дорогой, то через две деревни, если другой, то через четыре. В каждой деревне были дома (и не один), где жила «тайна». «У них сын обезноженный», «там девчонка, которая всё время кричит», «он у них дурачок» — полупотом говорил кто-нибудь.

Помню, когда я сама встречалась с «тайнами», то было какое-то ощущение страха и непонятное стеснение. Даже как будто испытывала вину: я здоровая, а они — вон какие. Старалась не думать, но всё равно «думалось» о мальчишке болезненной полноты

с «нездешним» выражением лица и глубокой печалью в глазах, который сидел на завалинке дома возле нашей школы. Он, естественно (боже мой, «естественно!»), школу не посещал.

Спустя годы мы столкнулись с иной ситуацией: откуда ни возьмись на улицы городов и сел хлынул поток нищих, сирых, убогих, больных. Только что «строили коммунизм», прокладывали дорогу в космос, верили в светлые идеалы, но вдруг иллюзии рассеялись и появилась страшная реальность. Естественное желание людей — отвернуться. Многие из них (а также и само государство) поспешили закрыть глаза на всё, что портит эстетическую картину. Отвернулись от стариков, инвалидов, алкоголиков и наркоманов. Наши больницы, дома престарелых, детские приюты, ограниченные возможности образования для детей с ограниченными возможностями, общественные здания без пандусов — красноречивые факты нашей неспособности взглянуть правде в лицо. **Сегодня можно с уверенностью сказать: у нас не сформирована культура, которая изначально вмещает в себя здоровье и болезнь.**

На мой взгляд, невозможна модернизация школьной системы без решения проблемы целостного образования человека, проблемы «школы для всех». Было время, когда у нашей страны, у школы не хватало внутренних ресурсов для такого решения. Сегодня в педагогической прак-





тике уже накоплен некоторый опыт осмысления противоречий и осуществления нововведений. Хочется верить, что современная школа (школа как общественный институт) и отдельные образовательные учреждения учатся выбирать, искать свой подлинно человеческий путь. Учатся освобождаться от фасадной показушности и пафосности.

А ведь сколько этой показухи было! (И, чего греха таить, ещё есть.) Коллеги из разных образовательных учреждений мне откровенно признавались, что они просили некоторых учеников не приходить в школу в тот день, когда проводились открытые уроки и ожидалась гости. Ведь всякие нарушители дисциплины и неуспевающие портят картину всеобщего «праздника знаний». Они «мешают проводить урок». Возникают ассоциации: как бы комично выглядело, если бы актёру мешали зрители, а врачам — пациенты. Знаю, как раздражают некоторых учителей мямлющие, заикающиеся, молчащие на уроках дети. Раздражают также крикливые, шумные дети. Бывая часто в разных школах, я наблюдаю одинаковую картину: учитель отчитывает ученика, который только что бежал по коридору «как ненормальный». А может, ненормально другое — когда ребёнок после нервного напряжения на уроке и часового сидения за партой спокойно выходит из класса и чинно идёт по школе? Педагоги, которые не справляются с «неудобными» детьми, с выпадающими из «великого среднего» (термин И.А. Колесниковой), полагают, что было бы справедливо изолировать их.

«Изоляция проблемных детей в специальных учебных заведениях наносит непоправимый нравственный ущерб не только им самим, но и их здоровым сверстникам, презирующим и третирующим отличающихся от них детей». Эту мысль я услышала несколько лет назад от Александры Михайловны Ленарто-

вич, стоявшей у истоков создания интеграционного сообщества больных и здоровых детей и ставшая сначала директором, а затем заместителем директора одной из уникальных московских школ.

Московская школа № 1321 «Ковчег» — это пример построения процесса воспитания и обучения на основе принципа интегративности.

Недавно мы, участники регионального эксперимента в Новониколаевском районе Волгоградской области — проекта «Повышение профессионального мастерства и гуманитарной культуры педагогов», приехали в эту школу. Изучение опыта и образа жизни «Ковчег» — в программе нашего проекта. А изучать действительно есть что! Как только мы переступили школу и увидели не совсем школьную (больше какую-то домашнюю) обстановку, мы поняли, что попали в особый мир. А потом подошла к нам Александра Михайловна, в словах которой, в поведении, во всём облике читались простота и доверие к нам. Никакого сомнения: мол, вот мы какие уникальные — смотрите и берите пример. Она сразу же начала говорить о проблеме, которая, как было нетрудно заметить, её по-настоящему волнует.

В «Ковчеге» сейчас учатся 500 детей, 200 из них — с особенностями развития. Потрясающие истории. Необыкновенные человеческие судьбы. Однажды одна мама привела в школу девочку. Пока родительница говорила с директором, девочка отгрызла у игрушечной мартышки ножки-шарики. Оказывается, у неё периодически проявлялось это непонятное отклонение: дома, например, она перегрызает шнуры и провода. В том, что девочка такая особенная, ничего особенного нет (в природе ещё и не такое встречается!), а вот необычно то, что с такими детьми умеют здесь работать. Так, чтобы они, каждый в своём темпе и по своей траектории, развивался. Удивительно: сейчас эта





«грызущая» (в прошлом) девочка пишет стихи. Вот такие, например:

Моя любовь пришла на свет,  
 Где бури движется поток.  
 Моя любовь сойдёт на нет,  
 Коль мир окажется жесток  
 И затеряется в лесу  
 Ручей, замерзший на весу,  
 Где елей тонкие стволы,  
 Да веток острые углы.

Или ещё пример. Один мальчик всё время был на уроках. По-звериному. Как волчонок. А сейчас он рисует иконы. Мы видели, действительно, это иконы. Это художественно и душевно. А говорят, что чудес не бывает...

Мы пугаемся многого, что выходит за пределы привычного. От невежества своего и из-за страха «обычные» люди бегут от «необычного». В «Ковчеге» идёт обычно-необычная жизнь, которая совершается по закону природосообразности и культуросообразности. «Ковчег» учит спокойно и мудро принимать всё, что происходит в человеке и с человеком.

«Принять его таким, пережить его неадекватность и отказаться от желания работать с ним по программе» — так сформулировала Александра Михайловна Ленартович позицию педагогов «Ковчег» по отношению к ребёнку. «Неадекватности» здесь мы рассмотрели. И через какое-то время, отрефлексировав своё восприятие и поведение, как будто устыдились: а может, это мы «неадекватные»? Чему мы удивляемся? На что так реагируем? Над чем улыбаемся? Мы, такие важные и озабоченные поисками новых педагогических методов, не видим **главного метода**, который даёт нам сама жизнь. И что же тут придумать ещё? Вот — иди и смотри...

...Прибежала девочка в комнату (не хочется говорить «школьный кабинет»), где стоит ткацкий станок: хочу жёлтенького. «Жёлтенького» — это зна-

чит хочу, чтобы на ковре, который ткут здесь (как говорится, между делом и всем миром), появился её узор-пятнышко определённого цвета. Потом прибежал мальчик и добавил «синенького» — привязал связку синих ниток. Уже сейчас понятно по не завершённой ещё рисунку на ковре: получится нечто авангардное, весёлое и живое. Продукт коллективного труда (или, скорее, увлечения).

...Заходим в класс. На урок математики. Потом — в другой, на урок английского. Каждый ребёнок занят своим делом. Устал — идёт в какой-нибудь укромный уголок и занимается тем, что просят его глаза и руки. Этих уголочков с игрушками, увлекательными занятиями в каждом кабинете много. Многие школьные кабинеты напоминают отдельные квартирки-дома, где свой уклад и свои особенности. Мы с интересом разглядываем эти «квартирки» и их обитателей. Учителя почти не обращают внимания на нас, празднично шатающихся (не считая обычного человеческого приветствия). Занимаются своим делом — обучают детей, даря им своё внимание и тепло, не заботясь о том, чтобы поразить гостей каким-нибудь приёмчиком.

Мы не скрывали своего удивления, а обитатели «Ковчег», похоже, удивлялись нам. Когда мы шли по коридору школы, один мальчик то ли сказал, то ли спросил нас вдогонку: «А что это за антилопы тут ходят?!»

...К нам, посторонним «антилопам», примкнула девочка лет 10. Она представилась: Настя. Сразу же запросто обратилась к нам, взрослым тётям: «Девочки, а у вас какой урок? Можно, я с вами поучусь?» Моё первое внутреннее движение при виде этой «неадекватной» девочки — скорее бы какую-нибудь конфетку ей дать, обнять, погладить по голове. Через пару секунд я устыдилась своих мыслей. Чего же мы кидаемся сюсюкать с «неадекватными» детьми?! А девочка так уверенно-смело стала расспра-





шивать нас, позировать перед фотоаппаратом, рассказывать о школе. Потом она куда-то исчезла, так же незаметно, как и появилась. Но сначала она вместе с нами побывала на уроке музыки. В музыкальном зале нас встретила Эмма Семёновна. Нет, не просто учитель музыки — психотерапевт (в самом лучшем понимании этого слова). «Ребёнок всегда прав!» — так говорит она о своём главном принципе воспитания. Делится опытом музыкальной терапии. В «Ковчеге» дети занимаются по системе Карла Орфа и Виноградова (коллега и муж Эммы Семёновны). Незаметно для нас самих усадила всех пришедших за музыкальные инструменты, рассказала о своих занятиях, показала. Не прошло и пяти минут — мы стали что-то играть (и ведь получалось!), стали петь свои имена (интересная форма знакомства). Как понравилось нам исполнять под собственное музыкальное сопровождение песенку про ёжика. А потом мы разучивали танец. И — удивительно! — всё получалось. Почему? Система такая необыкновенная или педагог такая волшебница?

И мастерская — тоже чудо.

Здесь под чутким руководством взрослого детки своими дрожащими пальчиками (у многих заболевания опорно-двигательной системы) изготавливают из глины удивительные вещицы. Сколько их везде — на столе, на полках, на шкафах, на полу. Глиняные игрушки, посуда, вазочки. Одна девочка что-то без умолку бубнит себе под нос, а руки лепят, лепят какую-то фигурку. Да, ребёнок всегда прав!

Школьный план имеет апробированные экспериментальные программы. В него включены разнообразные формы внеклассной работы: совместные театральные постановки, литературно-художественные вечера, журналистско-издательская деятельность, работа в гончарной, кожевенной, ткацкой, столярной мастерских, туристско-экскурсионные

мероприятия. Учебная и воспитательная деятельность предполагает индивидуальную работу с ребёнком. Большое внимание уделяется развитию двигательной сферы и мышления детей.

В «Ковчеге» устранена искусственная дистанцированность общения. Формализованная ролевая модель отношений «учителя — ученики» заменена семейной моделью «старшие — младшие». Здесь создана учебно-терапевтическая среда. Это «школа-дом», «школа-семья». И как в каждой семье, в «Ковчеге» есть свой уклад жизни, свои традиции. Есть, например, «плюшечная терапия», когда дети раскатывают тесто и лепят свои крендельки и плюшки.

Есть школы, которые показывают примеры работы над развитием необыкновенных способностей детей, примеры выхода за пределы школьной программы. Это хорошо, когда самой природе детей это нужно. Но надо помнить: порой увлекаясь «высоким», мы можем забыть об элементарных вещах, о том, что действительно нужно самому ребёнку. В «Ковчеге» не ставят задач «хватания звёзд с неба» (и, как ни странно, всё же эти «звёзды хватают», а лучше сказать «зажигают»). Здесь помогают детям решать их насущные проблемы. Здесь нет мелочей, нет сравнения, например, между «очень важной» математикой и «не очень важной» музыкой. Взрослые, живущие рядом с детьми, знают, какие внутренние потребности требуют своего удовлетворения.

Учитель интеграционного класса Екатерина Степановна Аруцева рассказывает в своих зарисовках о шагах развития того или иного ребёнка. Неговорящий Артём начал говорить. Агрессивная Лиза перестала толкать детей. Аутичный Максим стал общаться со сверстниками. А начиналось всё так: «Моя первая встреча с ними была неожиданно неприятной. Нельзя сказать, чтобы я совсем не была готова к ней, но это зна-





комство превзошло самые невозможные ожидания. Как только дверь в класс закрылась за последней выходящей мамой, ёрзавшие на стульях дети попеременно начали вставать со своих мест, не обращая на меня и мои слова никакого внимания. Они направились в тот угол класса, где находились игрушки, и всё вокруг вдруг превратилось в страшный хаос: игрушки полетели в разные стороны, одни дети кричали и бегали, другие лежали здесь же на ковре, прямо под ногами своих более активных одноклассников. Все мои попытки организовать этот «процесс» были тщетны. Прошло 15 минут от «урока», и я поняла, что если «не выпустить джина из бутылки», — могут появиться жертвы. Дверь открылась, но из класса никто не вышел: за пределами класса начался другой, ещё неизвестный и неосвоенный мир. Дети никого не замечали: ни меня, ни друг друга. Мне казалось, что я очутилась среди незнакомых мне существ из другого мира». Екатерина Степановна говорит о том, как трудно она и дети привыкали друг к другу. Когда пришло их второе первое сентября, она увидела своих «волшебных» детей и поняла, что они не расставались.

Замечать, как смотрит ребёнок, как двигаются его пальчики, как он говорит, как входит в класс и ведёт себя в группе — это важнейшая информация для педагога. Видения и осмысления её недостает многим учителям обычных школ, которые невнимательны к настоящему моменту и взоры которых устремлены к завтрашним ситуациям — к экзаменам, поступлению в вуз, будущим социальным задачам. Дети с ограниченными возможностями учат взрослых (а может, они и приходят в наш мир с этой миссией) быть внимательными к тончайшим нюансам процесса развития и взросления. А у взрослых часто, уж чего греха таить, нет терпения ждать, когда, подобно семенам в земле, будет что-то прорасти. На-

до — чтоб к завтрашнему уроку ученик умел вот это, понимал вот это. Учиться терпению и не бояться в какой-то момент отсутствия результата — хорошее «домашнее задание» для учителя.

Принимая что-то одно и отмахиваясь от чего-то другого, традиционная школа не умеет педагогически целесообразно решать многие проблемы. Это касается и проблемы интеграции больных и здоровых детей в образовательную среду. То же самое можно сказать и о работе с «неудобными» детьми — теми, у кого, как говорят специалисты, девиантное и аддиктивное поведение. Если школа будет продолжать оставаться агрессивным пространством, где одни «кучат» (поучают), а другие — учатся, то все эти проблемы останутся на уровне пожеланий. Нужна новая философия и способы педагогического мышления. И основу её составляет мысль о том, что, в общем, всем давно известно: ребёнок развивается по своим внутренним законам, и их нужно учитывать.

...Покидая «Ковчег», мы заглянули в необычный музей под открытым небом — музей кочевой культуры, который разместили в школьном дворе. Гостеприимная Наташа, экскурсовод, рассказала много интересного об истории и быте кочевых народов. Секунда — и мы оказались в киргизской юрте. Потом — в монгольской. Слушая истории народов, разглядывая убранство их жилищ, трогая руками удивительные вещи, я увидела родство всех людей, когда-то живших и живущих сейчас на нашей планете. Мы, люди разных национальностей и культур, разного вероисповедания и политических взглядов, разного уровня физического и душевного здоровья, «одним миром мазаны». Мы — идущие издалека. Странники во Вселенной. И нам нужно постоянно учиться друг у друга. Учиться страдать и радоваться, жить автономно и сообщая, принимать боль и менять своё сознание. Учиться быть людьми.